

И.В. КРИВУШИН

Иваново

ЕВАГРИЙ СХОЛАСТИК И АНТИЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В самом конце V книги «Церковной истории» Евагрий Схоластик, описав кончину императора Тиверия и дав краткую справку о временной протяженности двух последних правлений, делает довольно обширное отступление, которое можно было бы назвать историографическим экскурсом общего характера (V. 24)¹. Оно начинается с заявления о непрерывности традиции церковного историописания. Евагрий здесь снова повторяет то, что он уже сказал во введении к первой книге своего труда, а именно, что прошлое христианской церкви, начиная с Христа, было освещено сначала Евсевием, а вслед за ним тремя историками эпохи Феодосия Младшего – Феодоритом Киррским, Эрмием Созоменом и Сократом Схоластиком, и что сам он является непосредственным продолжателем этой линии.

Такое заявление церковного автора, творившего в кон. VI в., вряд ли может удивить, поскольку желание установить преемственность и утвердить себя в качестве ее неотъемлемого звена было чрезвычайно сильным у всех христианских писателей. Это стремление, ярко выраженное в церковных сочинениях, объяснялось не только и не столько влиянием широко распространенной в античности идеи традиционализма, но прежде всего исходным христианским представлением о Христе и его учении как о воплощении в истории ветхозаветных мессианских пророчеств и ожиданий. Уже Лука и Матфей, выстраивая в начале Евангелий родословную Иисуса и возводя ее первый к Адаму (Лк. 3:23-38), а второй – к Аврааму (Мф. 1:1-17), подчеркивают особую важность для христиан идеи преемственности. Эта идея, теперь уже в форме идеи непрерывной и верной передачи и сохранения истинного учения от Христа к более поздним поколениям верующих, окажется на острие борьбы церкви с ересями в самый

¹ The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia/Ed. J. Bidez and L. Parmentier. L., 1898. P. 217. 29-219. 27.

ранний период ее истории² и пройдет красной нитью через сочинение, которое даст начало длительной традиции ортодоксальной христианской историографии, – «Церковную историю» Евсевия Кесарийского³. Естественно, что все, кто описывал события внутри церкви, провозглашали себя его непосредственными или непрямymi продолжателями⁴, тем самым устанавливая свою особую линию преемственности относительно этого нового жанра христианской литературы.

Однако, определив свое место в ряду ранневизантийских ортодоксальных церковных историков, Евагрий не исчерпывает тем самым тему историографического наследия. Он значительно расширяет ее пределы, далеко выходя за рамки того, что могли позволить себе его предшественники, начиная с Евсевия. Подтвердив в лаконичной форме факт непрерывности церковной историографии, Евагрий неожиданно переходит к вопросу о непрерывности «священной и внешней истории» (ἡ ἀρχαία δὲ καὶ ἡ θύραθεν ἱστορία), и как раз этому вопросу он отводит почти весь свой обширный экскурс. Представляя ветхозаветную историческую традицию, Евагрий делает Моисея не только первым священным историком, но вообще первым (и самым правдивым) историком на земле. Этот тезис имеет для него решающее значение, и им по сути дела ограничивается обзор священной истории. Других священников историков он оставляет безымянными, указывая в краткой обобщающей фразе лишь на их статус библейских писателей: «...за ним [Моисеем] следовали потом мужи, подготовившие путь нашей вере и все дальнейшее заключившие в книгах божественного Писания». Отсутствие интереса к ветхозаветным последователям Моисея подчеркнуто контрастирует с тем, что единственным иудейским историком, упоминаемым Евагрием, оказывается Иосиф Флавий, тесно связанный с эллинистической традицией, которого автор ставит после «священных писателей», но к их числу не относит.

Следует отметить, что идеи Евагрия по поводу «священной истории» и примыкающего к ней Иосифа находятся в русле предшествующей христианской литературы. Правда, более ранние церковные историки не указывали на связь своего жанра с ветхозаветной историографией, однако этому есть вполне логичное объяснение, ибо

² См., напр.: GRANT R. M. The Uses of History in the Church before Nicaea/Studia Patristica. В., 1972. Vol. 9. Part 2. P. 170-172.

³ См.: КРИВУШИН И.В. Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский. Иваново, 1995. С. 19-21, 35-52.

⁴ Сократ Схоластик (Socr. I. 1), Эрмий Созомен (Soz. I. 1), Феодорит Киррский (Theod. I. 1).

естественно, что проблема дохристианской истории (прежде всего истории патриархов и древних иудеев) оставалась вне поля их непосредственного внимания. В то же время уже Евсевий вслед за ранними греческими христианскими апологетами⁵ видел в Моисее «пионера» мировой культуры⁶ и с доверием использовал сочинения Иосифа Флавия в качестве источника для первых книг «Церковной истории»⁷.

Удивительно не то, что Евагрий с уважением говорит о Моисее и Иосифе, но то, в каком контексте он это делает. Утвердив статус Моисея как родоначальника историографического жанра вообще и традиции «священной истории» в частности, а также перекинув от нее мостик к Иосифу, наш автор неожиданно переходит к рассказу о преемствах греко-римских историков. «Греческая» часть этого описания представлена именами эллинистических историков Харакса, Феопомпа и Эфора, которые, как недавно показал Р. Мортли⁸, действительно оказали большое влияние на формирование христианской исторической мысли. Тем не менее основное внимание уделяется не представителям эллинистической историографии, а тем, кто последовательно излагал «деяния римлян». Евагрий выстраивает длинный ряд историков, начиная с Дионисия Галикарнасского и кончая своими современниками Иоанном Епифанийским и Агафием Миринейским: *Дионисий Галикарнасский – Полибий Мегалополисский – Аппиан – Диодор Сицилийский – Дион Кассий – Геродиан – Никострат Трапезундский – Дексипп – Евсевий⁹ – Арриан – Азимий Квадрат – Зосима – Приск Панийский – Евстафий Епифанийский – Прокопий Кесарийский – Агафий Миринейский – Иоанн Епифанийский*. При этом автор не только перечисляет их имена, следуя хронологическому принципу. Он также устанавливает тематическую преемственность созданных ими сочинений, последовательно фиксируя их событийные рамки: Дионисий описывал историю от «аборигенов» до Пирра Эпирского, Полибий – до взятия римлянами Карфагена, Аппиан весь этот материал систематизировал, Диодор продол-

⁵ DROGE A.J. *Homer or Moses? Early Christian Interpretations of the History of Culture*. Tübingen, 1989. P. 49-167.

⁶ Ibid. P. 168-193; Sirinelli J. *Les vues historiques d'Eusèbe de Césarée durant la période pré-nicéenne*. P.; Dakar, 1961. P. 139-162, 208ff.

⁷ См.: HARDWICK M.E. *Josephus as a historical source in patristic literature through Eusebius*: Diss. Cincinnati, 1987.

⁸ MORTLEY R. *The Hellenistic Foundations of Ecclesiastical Historiography//Reading the Past in Late Antiquity*/Ed. G. Clarke. Rushcutters Bay, 1990. P. 225-250.

⁹ Речь идет о Евсевии Наметике. См.: SIVAN H. *The historian Eusebius (of Nantes)*//JHS. 1992. Vol. 112. P. 158-163.

жил до Юлия Цезаря, Дион Кассий – до Антонина Пия и т.д.

Таким образом, в экскурсе Евагрия вместе с церковной и ветхозаветной историографией находит свое место и историография греко-римская. Но он ставит их рядом не для того, чтобы противопоставить их в ценностном плане (достойная христианская или предхристианская и недостойная языческая), но чтобы найти между ними связь. Евагрий стремится слить три историографических течения в единый поток. Картина прошлого историографии приобретает холистический характер, который христианские апологеты и хронисты (не без влияния таких античных историков, как Диодор и Полибий) уже пытались придать картине самой истории человечества¹⁰. Это расширение перспективы хорошо вписывается в процесс постепенного включения греко-римского культурного наследия в мир византийской христианской культуры. Экскурс Евагрия показывает, что теперь и античные историки уже дождались своей очереди.

В своей основе задача, которую решает Евагрий, далеко не нова для христианских авторов апологетического направления. Начиная с Юстина Мученика, Мелитона Сардийского и Тертуллиана Карфагенского¹¹, они уже выработали определенные и весьма действенные методы включения культурного прошлого в создаваемый церковью образ всемирной истории, а точнее, его оправдания с христианской точки зрения. В основе всех этих методов лежал один общий принцип – принцип подчиненности и зависимости самых лучших культурных достижений античности относительно христианства, понятого в широком смысле как Истина, которая в рамках человеческой истории была известна уже ветхозаветным патриархам. В то же время конкретные способы включения-оправдания в разные эпохи и у разных авторов были весьма различны.

Какие же приемы использует Евагрий, чтобы показать, что античные историки достойны христианского внимания? Во-первых, он открыто ставит ветхозаветных и греко-римских историописателей на один уровень, заявляя, что «древняя, как священная, так и внешняя история усилиями *трудолюбивых* мужей сохранена непрерывной» (курсив наш. – *И. К.*). Еще более важно, однако, использование Евагрием фигуры Моисея, ключевой в христианских апологетических спекуляциях. В трудах Юстина и его последователей Моисей оказался персонажем, чей приоритет во времени по отношению к

¹⁰ MORTLEY R. Op. cit. P. 227-232.

¹¹ Наибольший интерес в этом отношении представляет Тертуллиан. См., напр., виртуозное использование примеров из античной истории для оправдания и прославления христианских мучеников и целомудренных христианок в *Ad nationes*. I. 18; *Ad martyres*. 4; *De exhortatione castitatis*. 13.

таким представителям древнегреческой культуры, как Гомер или Платон, доказывал приоритет ветхозаветной истины перед классической мудростью. С их точки зрения, хронологическое первенство законодателей еврейского народа свидетельствовало, что все лучшее в античной культуре было заимствовано из Пятикнижия¹². В нашем же случае Евагрий подчеркивает роль Моисея именно как *первого историка на земле*, который переложил без искажений то, что ему сообщил на Синае Небесный Историк, сам творящий историю. Таким образом утверждается божественное происхождение историописания, и в этом заключено оправдание самого существования историографического жанра. Хотя Евагрий не говорит прямо, что греческие и римские историки заимствовали модели повествования у Моисея, приоритет последнего предполагает их вторичность, однако такую вторичность, которая одновременно смывает с них печать язычества – печать Сатаны. В-третьих, Евагрий стремится представить античную историографию как непрерывное *преемство*, что неизбежно придает ей респектабельность в глазах христианской (и не только христианской) аудитории. И, наконец, чтобы защитить традицию описания «внешних событий», автор, который в начале своего экскурса провозгласил себя верным продолжателем линии Евсевия, в самом конце его связывает себя с античной традицией, обещая читателям рассказать в финальной книге «Церковной истории» о том, о чем повествуют еще не опубликованные произведения светских писателей – Агафия Миринейского и Иоанна Епифанийского.

Историографический экскурс Евагрия не остается пустой декларацией. Соотнося себя с двумя доселе враждебными традициями историописания (вспомним хотя бы Зосиму), наш церковный историк пытается примирить их и в рамках своего труда. Оправдывая античных историков, Евагрий по сути дела оправдывает самого себя, поскольку его «Церковная история» во многом перестает быть *церковной* в строгом смысле этого слова и по ряду параметров сближается с греко-римскими историческими сочинениями. Автор вводит в повествование, призванное сообщать исключительно о делах церкви, огромный пласт светской (имперской) информации, почти или совсем с ними не связанной (I. 17-20; II. 6-8, 12-17; III. 1-3, 24-29, 35-39; IV. 1-3 и т.д.)¹³. При трактовке образов византийских василевсов он применяет те же самые параметры, что и его классицизирующие современни-

¹² DROGE A. J. Op. cit. P. 1-2, 8-11, 49-167.

¹³ Подробнее об этом см.: ALLEN P. Evagrius Scholasticus the Church Historian. Leuven, 1981. P. 5, 69.

ки¹⁴. Он широко пользуется материалами светских авторов и с уважением на них ссылается. Среди них Приск Панийский (I. 17; II. 5, 16), Евстафий Епифанийский (I. 19; II. 15; III. 26-27, 37), Прокопий Кесарийский (IV. 12-25; 27)¹⁵. Он цитирует не только Библию, но также «мудрого Платона» (I. 21) и «мудрое изречение Плутарха Херонейского», переданное историком Демофилом (VI. 1). Он ориентируется на лучшие образцы античного исторического рассказа, прежде всего на Фукидида (III. 39; IV. 29). Он постоянно обращается к риторическим формам, в частности к моделям совещательного, судебного и эпидектического красноречия (I. 7; II. 3; IV. 31; V. 19-22; VI. 1-2)¹⁶. И, наконец, он вводит в свое повествование полностью вымышленную и составленную по всем правилам риторики речь, вкладывая ее в уста архиепископа Григория Антиохийского, выступающего перед восставшими в Монокартоне солдатами (VI. 12)¹⁷ – чисто античный прием, отвергнутый всеми христианскими предшественниками Евагрия.

С целью оправдать синтез античного и христианского начал в своем сочинении автор стремится четко отделить все ценное и полезное для христиан в греко-римской культуре от язычества, а лучших интеллектуальных представителей античности – от защитников постыдного идолопоклонства. Именно поэтому он в определенный момент примеряет на себя (и это в конце VI века!) одежды апологета, жестоко обрушиваясь на греко-римскую религию (I. 11)¹⁸. Именно поэтому он сурово критикует защитника гнущегося язычества светского историка Зосиму, который, по его словам, без всяких оснований оклеветал Константина Великого и даже осмелился поставить под сомнение позитивную роль христианства в истории Римской империи (III. 40-41)¹⁹.

¹⁴ См. об этом: ALLEN P. Op. cit. P. 15; TINNEFELD F.H. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1977. S. 43-48.

¹⁵ См.: CAIRES V. Evagrius Scholasticus: A literary analysis//Byzantinische Forschungen. Vol. 8. 1982. P. 46-48; TRICCA A. Evagrio e la sua fonte più importante Procopio//Roma e l'Oriente. 1915. Vol. 9. P. 102-111, 185-201, 283-302. 1915. Vol. 10. P. 51-62, 129-145.

¹⁶ См.: ALLEN P. Op. cit. P. 51; CAIRES V. Op. cit. P. 29-50.

¹⁷ Анализ речи Григория см.: CAIRES V. Op. cit. P. 43-46. См. также: ALLEN P. Op. cit. P. 58.

¹⁸ А не потому, что ему был нужен повод для упражнения в риторике, как считает П. Аллен (Allen P. Op. cit. P. 63).

¹⁹ См.: CRACCO RUGGINI L. The ecclesiastical histories and the pagan historiography: Providence and miracles//Athenaeum. 1977. Vol. 55. P. 125; DOWNEY G. The perspective of the early church historians//GRBS. 1965. Vol. 6. P. 69; WINKELMANN F. Die Kirchengeschichtswerke im oströmischen Reich//BS. 1976.

В целом, встреча античной и церковной традиций историописания в труде Евагрия Схоластика отражала чрезвычайно важные трансформации, происходившие в позднеримской историографии на рубеже VI–VII вв. Процесс слияния античной и христианской культур в единую византийскую, шедший рука об руку с процессом все более глубокого проникновения церкви в жизнь восточно-римского общества, зашел настолько далеко, что прежнее четкое разделение светской и церковной историографии стало теперь бессмысленным²⁰. Не случайно, что произведение Евагрия окажется последней византийской церковной историей первого христианского тысячелетия точно так же, как написанное три десятилетия спустя сочинение Феофилакта Симокатты станет последней светской историей перед длительным периодом «темных» столетий.

I. V. Krivušin

Ivanovo

EUAGRIOS SCHOLASTIKOS UND DIE ANTIKE HISTORIOGRAPHISCHE TRADITION

Euagrios bezeichnet sich in seiner „Kirchengeschichte“ als Fortsetzer der christlichen historiographischen Tradition, die mit Moses anfangen und mit Euagrios' Vorgängern, Eusebios, Theodoret von Kyrrhos, Sozomenos und Sokrates Scholastikos enden. Der Historiker bezieht in den Bestand der christlichen Geschichtsschreibung die alttestamentliche und die antike mit ein. Im Anschluss an Flavius Iosephus nennt er eine große Zahl von griechischen Schriftstellern der Kaiserzeit, beginnend mit Dionysios von Halikarnass und endend bei Agathias aus Myrina. Auf diese Weise kanonisierte er die Historiker, die die „äußere“, d.h. nichtchristliche, Geschichte beschrieben.

Vol. 37. S. 179-180.

²⁰ См.: ALLEN P. Op. cit. P. 19, 68-70, 266; CROKE B., EMMETT A. *Historiography in Late Antiquity: An overview//History and historians in Late Antiquity*/Ed. B. Croke and A. Emmett. Sydney, 1983. P. 7.